

ГАЛИНА РОМАНОВА

НИЧЕГО ЛИЧНОГО, КРОМЕ БОЛИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Ничего личного, кроме боли

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Ничего личного, кроме боли / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2017 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-089728-5

Быть не как все – счастье или проклятие? У Маши выдающаяся интуиция и феноменальные аналитические способности, но значит ли это, что ее, лейтенанта полиции, в самом деле ценят начальники и коллеги? Если кто и готов оценить ее по достоинству и подбросить ей загадку по ее силам, так это только он – ее демон, ее мучитель, ее брат по ненависти и боли... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089728-5

© Романова Г. В., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Галина Романова

Ничего личного, кроме боли

Глава 1

– Вот, коллеги, познакомьтесь. Наш новый сотрудник.

Глеб Анатольевич Горовой, мягко колыхнув животом, сделал шаг назад и мягко ступил влево. Три пары глаз уставились на нового сотрудника. Вернее, сотрудницу.

«Молодая, наверняка со студенческой скамьи. Сплошная морока с ней: учи, опекай, – подумал один, самый старший. – Просили же реальную помощь в отдел. А кого прислали? Малолетку!»

«Н-да-а, теперь начнется», – пронеслось в мыслях у второго, хоть он вряд ли и сам мог объяснить, что имел в виду.

«Дохлая. Неинтересная. Зануда небось, – решил третий и еще раз прошелся взглядом по новой сослуживице. Мысленно кивнул самому себе: – Скорее да, чем нет. И что-то в ней есть такое непонятное».

– Мария Ивановна Бессонова. – Горовой по очереди глянул каждому в глаза. – После студенческой скамьи успела поработать в убийном отделе в соседней области. Зарекомендовала себя грамотным сотрудником с отлично развитой интуицией. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Все, дальше вы здесь сами.

Взглядом приказал старшему перехватить у него инициативу. И скрылся за дверью.

Старший встал с места, подошел, протянул руку, представился:

– Майор Кошкин, Сергей Иванович. Возглавляю этот отдел уже бог знает сколько лет. Сам отбирал себе сотрудников. Кроме вас, разумеется.

– Я не подведу! – выпалила Маша и тут же покраснела и опустила голову. – Извините, товарищ майор.

– Можно не козырять. Можно просто Сергей Иванович.

– Так точно, Сергей Иванович. – Она осторожно улыбнулась, вытащила пальцы из его жесткой ладони. Кивнула на заваленный бумагами стол: – Это мое рабочее место?

– Стол свободен, можешь занимать. Но, – он набрал воздуха в легкие, – твое рабочее место, Мария Ивановна, будет не здесь. Говорю сразу, чтобы не было иллюзий. Ничего, что на «ты»?

– Да-да, конечно, – отозвалась она рассеянно: уже успев взять в руки самую верхнюю папку. – Так даже лучше.

– Так вот, Мария Ивановна, наши рабочие места – это места преступлений. Это сбор информации по горячим следам. Это работа со свидетелями. Нудный поквартирный обход. И еще... Ладно, вижу, ты уже в курсе.

Ему не понравилось, что она кивает каждому его слову. Кивает и с трудом скрывает улыбку. Не дурак, не вчера родился. Потешается, что ли, над ним девчонка? Самая умная, да? Интуиция, говорите, у нее отлично развита, зарекомендовать себя успела в соседней области? Это что же за область такая, где преступления на щелчок пальцев раскрываются?

«Не сработаемся», – сделал вывод Кошкин через пару минут. Девушка высокомерная. Станет умничать, рыться в деталях, упускать важные моменты. И уж точно не захочет обивать ноги в поквартирном обходе, не по ней это. У нее интуиция, мать ее, сильно развита.

– Сергей Иванович, я могу работать сутками, – вдруг проговорила Маша и глянула так пронзительно, как будто прочла все мысли на свой счет. – Можете поручить мне все, что сочтете нужным. Я никакой работы не боюсь.

Точно, догадалась. Кошкин почувствовал, как вспотела шея. Так обычно случалось, когда ему делалось неловко. Еще на хватало.

– Ладно, разбирай бумаги, обживайся, – буркнул он, возвращаясь на свое место. Опустился на любимое скрипучее кресло, в котором механизм вращения сломался добрых пару лет назад, добавил: – Моли бога, чтобы ничего пока нигде не случилось.

– А если случится, с кем я буду работать?

– В каком смысле? – не понял он.

– Напарник. Кто будет моим напарником?

Маша кротко улыбнулась тем двоим, что не сводили с нее глаз. Оба, как по команде, увели глаза в сторону.

– Напарник? – Кошкин высоко поднял брови, надул щеки, с шумом выдохнул. – Покатаешься пока со мной. Ребята давно в паре работают. Так что...

Так что работать с ней ни один не захочет. А ездить на происшествия с начальником – это все равно, что каждый раз дипломную работу защищать. Но выбора у нее нет. С начальником так с начальником. Она перевода из своего захолустья полтора года ждала. Не до капризов.

Уселась на место и не заметила, как до обеда провозилась с бумагами. Все рассортировала, разложила по папкам, расставила на стеллажах. А когда подняла голову, обнаружила, что в кабинете они с Кошкиным вдвоем.

– А ребята где, Сергей Иванович?

А в сердце кольнуло: на происшествии! Ее не взяли. Ей не сказали. Ее оставили рыться в хламе, который скопился на столе за четыре месяца, если верить датам.

– Ребята обедать пошли. И тебе не помешало бы, – проворчал Кошкин. – Что, Мария, идем?

Боже, она теперь и пищу должна принимать под его присмотром?

– Идемте, Сергей Иванович. – Пришлось подавить возмущение. – Правда, я не очень голодная.

– Зато я съел бы чего-нибудь с радостью, – бросил как в упрек.

Сидел без обеда из-за нее, сообразила Маша. Приглядывал.

Столовая оказалась маленькой, всего на пять столиков. Все были свободны. Ребята из ее отдела, если и обедали здесь, уже ушли. Узкие окошки-бойницы под самым потолком едва пропускают дневной свет. Тусклое освещение. Серые пластиковые стулья. Серые столы. Стены непонятного цвета – не то темно-голубые, не то тоже серые.

Маша тут же поняла, что обедать здесь больше никогда не будет. Сегодняшний день – исключение. Начальник велел, не поспоришь.

Кошкин грохнул на поднос сразу три тарелки: первое, второе, салат, компот, две булочки с изюмом. Маша ограничилась двумя котлетами и киселем.

– Это все? – Шеф осуждающе качнул головой. – Так ноги протянешь, Бессонова. А мне сильные сотрудники нужны, выносливые.

– Я выносливая, – сдержанно улыбнулась Маша.

С языка просилось: она же не мужик, чтобы сметать столько продуктов за раз. Но промолчала.

– Я сбалансированно питаюсь, Сергей Иванович. – И немедленно соврала: – У меня каждое утро плотный завтрак.

Сегодня утром она, к примеру, выпила стакан воды. Один стакан. Не потому, что нечего было есть. Просто в горло ничего не лезло. Волновалась: как встретят на новом месте, как пройдет первый день. Потому и каша не полезла, которую всегда варила с вечера. И бутерброды не стала делать, знала, что не съест. Стакан воды, и все.

Зря волновалась, встретили нормально. Ровно, без гадких замечаний, без демонстративного игнора. Начальник вон даже обедать без нее не шел, ждал, пока закончит с бумагами. То ли приглядывал за ней, то ли просто по-человечески отнесся.

Ее куда хуже проводили на предыдущем месте.

В кафе на отходную вечеринку пришли всего три человека из пятнадцати. Девушка из бухгалтерии, секретарь полковника и молодой опер, с которым они поступили на службу в один день.

Повеселиться не вышло. Барышни напились и стали пересказывать сплетни, знать которые она не желала. Но слушать пришлось.

– Некоторые, Машка, тебя вообще считают колдуньей! – расхохоталась секретарша после особенно мерзкой байки.

– Почему? – поинтересовалась она, делая вид, что пьет шампанское.

На самом деле бокалом она только прикрывалась. Спиртное не лезло в горло. Как и все остальное на столе, во что она вбухала, между прочим, немалую сумму.

– Да потому что у тебя раскрываемость почти стопроцентная! У тебя преступники как под гипнозом во всем признаются, – пробубнил опер, тоже изрядно надравшийся. – Тебе завидуют, Мария. Неужели не поняла?

– Завидуют тому, что я помогаю делать мир чище?

– Ой! – Девушка из бухгалтерии сморщила кукольное личико. – Давай только без этих громких слов. «Делать мир чище» – что за пафос?

– Да нет никакого пафоса, я на самом деле так думаю. – Она попыталась объяснить: – Посадили с моей помощью какого-то гада – и людям легче дышится. Не страшно ходить по улицам, спокойнее за детей. Что непонятного?

Ее немногочисленные гости тогда переглянулись. Секретарша выразительно покрутила пальчиком у правого виска. Девушка из бухгалтерии просто качнула головой и пару раз беззвучно открыла и закрыла рот – как рыба. А тот, что определялся на службу вместе с Машей, пьяно хихикнул:

– Могла бы просто сказать, что делаешь свою работу. Всего лишь хорошо делаешь свою работу.

Маше хотелось возразить. Хотелось сказать, что это больше, чем работа. Передумала: гости были пьяны и настроены не по-доброму. Пришли из любопытства, а не для того, чтобы пожелать ей доброго пути. Пришлось сделать вид, что она согласна:

– Ладно, я просто хорошо делаю свою работу.

– Вот! – Парень поднял указательный палец. – Вот за это тебя в отделе и не терпят. Слишком потому что. Слишком хорошо ты все делаешь. Слишком хорошо и правильно. Все остальные на твоём фоне – ничто, серость!

– Ты же самые безнадежные дела раскрыла, Машка, – протянула с упреком секретарша. – Опытные ребята, по двадцать лет работают, и не смогли. А ты раскрыла. Что, не колдовство?

– Да, мистика какая-то, – подхватила бухгалтерша. – Маш, а правда болтают, что мать у тебя была цыганкой?

– Да идите вы! – Она фальшиво рассмеялась. – Цыганка, это же надо придумать! Следующий вопрос, боюсь, будет об алхимии. Налегайте лучше на угощение. Смотрите, сколько всего.

Налегать никто не стал. Через полчаса ее отходная закончилась. А еще через день она уехала с твердым намерением никогда в этот город не возвращаться.

Теперь у нее другая жизнь. Хочется думать, лучше той, которую она уже успела прожить.

– Как котлетки, Мария? – Голос Кошкина вклинился в воспоминания. – Смотрю, ты совсем не ешь.

– Котлетки? – Она очнулась. – Не могу что-то.

– Волнуешься?

– Ага.

– А ты не переживай так. У меня хорошие ребята в отделе. Правильные. Что встретили сдержанно – не обижайся. Присмотреться нужно к тебе.

– А вы, Сергей Иванович, уже присмотрелись? Как вам новый сотрудник? Вернее, сотрудница?

Она сосредоточилась на котлете, чтобы не встречаться с ним глазами.

– Мне-то? – Кошкин допил компот, стряхнул с рубашки крошки от булочек. – Хвалили тебя, Мария, на прежнем месте, это мне Горовой уже сообщил. Хвалили как оперативника. Но как о человеке мало что могли сказать. Неконтактная, сдержанная. Никто о тебе ничего не знает.

– Это так. – Кивнула, прожевала последний кусок котлеты, кстати, вполне съедобной. – Но и нечего особенно было рассказывать.

– Это как? Хочешь сказать, у тебя нет бурной личной жизни?

– Вся моя жизнь – работа. – Маша дернула плечами. – Мне некогда заниматься ерундой.

– Ага. – Кошкин помолчал. – Ты не замужем, задушевных подруг нет, друзей тоже. Я правильно понял?

– Так точно, товарищ майор. – Маша принялась за вторую котлету. – Мои родители умерли семь лет назад. Ушли один за другим – сначала отец, потом мама. Мне нужно было сосредоточиться сначала на учебе, потом на работе.

– Понятно. – И тут же ткнул куда-то в воздух пальцем. – Последний вопрос: почему служба в полиции? Странный выбор для девушки. Служба тяжелая: трупы, вонь, преступники. Приходится общаться с отбросами общества. Почему, Мария? Хотелось помогать человечеству – стала бы врачом. Это благородно. Так как?

Маша хлебнула кисель. Сдержалась, чтобы не поморщиться: несладкий и жидкий. Она такой не любила. Поставила стакан, глянула на Кошкина. Ждет ответа.

– Понимаете, товарищ майор, всю жизнь я хотела найти... – Она поискала нужное слово – не нашлось. Сказала первое, что пришло в голову: – Хотела найти одного человека.

– И кого же?

– Себя, – ответила она просто и угадала по выдоху, что ответ разочаровал. – Да, товарищ майор. И так бывает.

Глава 2

– Станислав Георгиевич, с вами все в порядке?

Глупая секретарша, которую давно пора было уволить, стояла перед ним в довольно странной позе. Пятки и носки вместе, корпус напряжен и наклонен вперед. Если бы не откровенная тревога в коровьих глазах, он решил бы, что она пытается его соблазнить. Но нет, в глазах Эльзы была тревога, и это означало, что все плохо.

Эльза редко за кого переживала. Если начистоту, ни за кого и никогда. Эгоистка махровая, именно это и спасло ее от увольнения. Он сам был такой. Они даже неплохо ладили. Она его не раздражала. Если он срывался – не обижалась. Приглашение съездить за город развлечься воспринимала спокойно – никаких истерик и оскорбленной добродетели. После отдыха, весьма активного, умела держать дистанцию. «Станислав Георгиевич», и ничего лишнего. Это тоже помогло сохранить рабочее место.

Неужели он в самом деле так плох? Неужели страх написан у него на лице?

– Эльза, что? – глянул зло. – Что тебе нужно?

– Простите. Я просто беспокоюсь. – Она выпрямилась и поспешила положить перед ним папку с документами. – Сегодня в четыре у вас встреча с Воропаевым в ресторане «Алия».

– Помню, – процедил он. Глянул вслед ее юбочке, едко поинтересовался: – Думаешь, что ли, совсем с катушек слетел?

Здесь она его удивила. Остановилась неожиданно, развернулась – юбка метнулась вокруг ног. Утвердительно кивнула:

– Думаю.

– Что? – Взбесился, полез из-за стола, в три шага настиг ее у двери и больно схватил за плечо. – Что ты сказала, курица? Я? Слетел с катушек? А ты ничего не перепутала?

– Нет. – Эльза поморщилась от боли, но вывернуться не попыталась. – Что-то происходит, Станислав Георгиевич. Что-то нехорошее. Я вижу, но помочь ничем не могу.

Он отпрянул. Такого человеческого взгляда у Эльзы он еще не видел. Видел алчность, похоть, скуку. Но чтобы вот так на самом деле, с заботой...

Так она не смотрела на него ни разу. И от этого стало совсем погано.

– Что случилось, Стас? – Надо же, сама посмела нарушить собственное правило. – Скажи мне, я помогу.

– Поможешь, ага. – Он сторбился, вернулся за стол. – Если бы мне кто-то мог помочь.

Эльза не ушла. Уселась напротив за столом переговоров, как будто он разрешил. А, уже неважно. И так все барьеры сметены. Все из-за его страха. А вздумай он кому рассказать – рассмеялись бы в лицо.

– Это из-за встречи с Воропаевым? – Эльза картинно сцепила пальцы в замок. – Та еще сволочь! Я наслышана.

– Да? И что ты о нем слышала?

Спросил, просто чтобы отвлечься. И ее отвлечь. Пусть будет Воропаев.

– Слышала, что конкурентов он просто съедает на завтрак. – Она сделала страшные глаза. – Он ведь не просит, а требует сделать его соучредителем. Узнал, что дела нашей фирмы не ахти, вот и...

– Что значит «не ахти»? – Он разозлился. – Это ты чьи слова сейчас повторяешь?

– Ничьи. Сама не слепая, документы читаю перед тем, как нести на подпись. – Эльза обиженно поджала губки. – У меня же высшее экономическое, Станислав Георгиевич. Кое в чем разбираюсь.

– Так в чем ты разобралась? – Он сделал вид, что заинтересован.

– Если в течение месяца у нас не будет финансовых вливаний, фирма окажется в полной заднице, Станислав Георгиевич.

– Ты смотри!

– Именно так. Со следующего месяца начинается выплата по закладным. Проценты по кредитам мы платим, но тело кредита до сих пор не тронут. Мы кругом в долгах, Станислав Георгиевич. И Воропаев.

– Что ты пристала к нему, Эльза? Воропаев, не Воропаев – какая разница, чья рука пустит все под нож? – Он прикрыл глаза ладонью. – Воропаев хотя бы предлагает нормальные условия сотрудничества.

– А есть и другие? – встрепенулась она. – Кто же?

– Что? – Стас вздрогнул, съежился, как будто у него живот разболелся. Взглядом указал ей на дверь: – Ступай уже, любопытная. Давай.

Ушла. Но каждые полчаса под любым предлогом потом заходила к нему. Проверяла, не сдох ли он от горя, не свел ли счета с жизнью. Глупая. Он за жизнь свою трясется, он за нее держится, он никогда и ни за что не пойдет на грех.

В половине четвертого снова сунулась к нему.

– Станислав Георгиевич, вам пора. С учетом пробок...

– Да-да, Эльза, спасибо. Я готов, – пробормотал он, хоть дверь за ней уже закрылась.

Про себя добавил: «Почти готов». И еще через минуту: «Главное, понять, к чему быть готовым».

Взял в руки мобильный, который странно молчал вторые сутки. Нет, ему звонили, конечно, звонили. Но того звонка не было. Того самого, с которого начался его кошмар. Или не начался, а вернулся. Только тогда, несколько лет назад, когда на телефон пришло сразу два сообщения, ему на все было наплевать. Он их прочел, удалил и забыл. Еще и посмеялся.

Сейчас все по-другому. Сначала пришло сообщение с напоминанием. Потом был звонок. Станный бесполой голос предложил все вспомнить и заплатить наконец по счетам. Он снова посмеялся, даже спросил:

– Сколько ты хочешь, чмо? Назови цену. Только учти: много не дам, с деньгами сейчас не очень.

И тогда гребаный шантажист, которого он так и не сумел вычислить, рассмеялся в ответ:

– Ты прав. Деньгами проблему не решить.

– Тогда что ты хочешь? Фирму?

Подумал о Воропаеве, который давно зарился на его бизнес и, как гребаная акула, выжидал, пока кредиторы пускали его делу кровь. Но шантажист с неузнаваемым голосом снова рассмеялся:

– Твою фирму? Зачем она мне? Дела у тебя, болтают, вроде не очень.

– Тогда что ты хочешь?

– Твою жизнь, Стасик. И я ее заберу.

На этом разговор окончился. Больше этот урод или уродка, кто его знает, не звонил. Номер на мобильном не определился. Вычислить его аййтишники так и не смогли. Сказали только, что след ведет куда-то за океан.

– Забей, Стасик, – посоветовал один, с которым он разоткровенничался. – Глупость какая-то. Кто-то триллеров посмотрелся и решил разыграть крутого чувака. Надо же, жизнь забрать! За что? За мелкую подставу в ранней юности? Если бы за это убивали, на планете народу бы не осталось. Да найди ты этого чудака, которого ты тогда сделал, и потряси его.

– Легко сказать, – фыркнул тогда Стас.

– А в чем проблема? Я тебе через Сеть иголку в стоге сена найду.

– Иголку, может, и найдешь. А чудака нет.

– Почему?

– Потому что я сам его не помню.

– Дела. – Айтишник почесал наголо выбритую макушку. – А кто еще об этом знал?

– Это здесь при чем?

– При том, что тебя тупо разводят те, кто об этом знал. Если не сам этот тип, тогда кто-то из твоих друзей. Кто знал, вспоминай.

Он добросовестно провел в размышлениях два дня. Думал днем и вечером. Думал даже, пока пользовал Эльзу прямо в кабинете: поездки за город пришлось отложить до лучших времен. Не вспомнилось почти ничего.

– Почти? Это уже что-то. Называй имя!

Он назвал.

– Девка, что ли? – присвистнул парень и тут же застучал по клавишам. – Тогда точно нечего бояться. Какая-то дура развлекается.

– Считаешь?

– Ясное дело, – мотнула бритая голова.

Девушку, ту, что видела, как он оплошал много лет назад, найти не удалось.

– Может, вышла замуж и сменила фамилию. Может, укатила за бугор на ПМЖ, поэтому и след ведет за океан, – выдавал версии бритоголовый гений. И закончил тем, с чего начал: – Не парься, Стасик.

А он парился, еще как. Глупая шутка с подменной курсовых, из-за которой однокурсника в свое время выперли из вуза, не шла из головы. Вдруг правда человеку жизнь сломал? А тот теперь отыскал обидчика и решил отомстить.

Пропали сон и аппетит. Зато предстоящая встреча с Воропаевым уже не пугала. Что будет, то будет. Бросит все к чертовой матери и уедет на родину, в тайгу. Станет кедровую шишку бить, самогон пить, девок доступных любить. Просто и легко. Легко и просто так жить, думал Стас, подъезжая к ресторану «Алия» ровно к назначенному времени.

Воропаев уже ждал. Место выбрал укромное, в углу, за огромным аквариумом, в котором плавали декоративные полуметровые акулы. Символично. Пожал Воропаеву руку, уселся.

– Закажешь что-нибудь, Станислав Георгиевич? – с вежливой улыбкой поинтересовался тот. – Здесь неплохая кухня. Я уже сделал заказ. Ты как?

Просирать собственный бизнес лучше на сытый желудок. Улыбнулся нехитрому каламбуру, попросил меню.

Пока готовились блюда, они лениво обменивались новостями. Потом, когда принесли закуски, Воропаев вдруг потянул из портфеля папку с бумагами.

– Ознакомься. Предложение для тебя более чем выгодное. С учетом твоих последних неудачных вложений это то, что нужно.

– Я понял, – помрачнел Стас.

Тут же стал читать. И чем больше читал, тем сильнее удивлялся.

Предложение, которое делал ему Воропаев, казалось не просто выгодным. Да это настоящий подарок! В соучредители хочет? Ради бога! Пост генерального директора занять? Садись в кресло, садись, товарищ Воропаев, оно и так под задом у Стаса горит. Пусть разруливает, пусть правит. А он в тайгу уедет, шишку бить и девок любить. Отдыха! Отдыха его надорванная душа просит.

– Там еще соглашение, – подсказал Воропаев, когда Стас начал подписывать страницу за страницей. – На двух последних листах. Дополнительное соглашение.

– Понял я, – отмахнулся он и, не глядя, подписал все.

Забрал свой экземпляр, уложил бумаги в портфель. На радостях запросил у официантки выпивку.

– Слушай, а ты нормальный парень. – К такому выводу он пришел после третьей рюмки коньяка.

– Спасибо. – Воропаев сдержанно улыбнулся. Сам не пил – потягивал минералку из высокого бокала.

– У меня к тебе одна просьба, идет?

– Валяй.

– Не увольняй Эльзу.

– Это кто?

– Секретарша моя. Толковая девчонка. Дистанцию держит, несмотря ни на что.

– Несмотря ни на что, – задумчиво повторил Воропаев. И неожиданно подмигнул: – Спишь с ней?

– Да как тебе сказать? Теперь все равно это в прошлом. Теперь ты там будешь рулить, а мне на счет денежки слать. В тайгу уеду.

– Вот те раз, – удивился Воропаев. Нахмурился даже. – Я, честно, думал, поработаем вместе.

– Один генеральный в подчинении у другого? Нет, не пойдет. – Стас, ловко орудуя ножом, сдвинул на вилку дольку дыни, отправил ее в рот, зажмурился от удовольствия. – Соперничества не избежать, согласен?

Воропаев пожал плечами – не поймешь, согласился или нет. Тоже налег на еду.

В какой момент все произошло? Между закусками и основным блюдом или между основным блюдом и десертом? Потом он так и не смог вспомнить, сколько ни спрашивали.

Он все же принял предложение Стаса выпить, хотя знал, что пьянеет уже от нескольких глотков. Выпил одну рюмку коньяка. Вторую. Его повело. Кажется, они стали рассказывать друг другу сальные анекдоты. Ржали как ненормальные, им даже сделали замечание. Это он помнил.

А вот в какой момент его уже состоявшийся компаньон рухнул на пол и забился в конвульсиях – это он пропустил. Как отрезало.

Очнулся, когда официантка, наклонившаяся к Стасу, подняла перепуганные глаза и завопила:

– Умер! Господи, прямо в мою смену! Ма-ма!..

Глава 3

Когда они приехали на место происшествия, ресторан был закрыт. На подъездной дорожке стояла «Скорая». Врач оказался знакомым майора.

– Не спеши, Кошкин, – ухмыльнулся он, затягиваясь. – Присядь, покури.

– Некогда курить. Народ надо опрашивать, персонал. – Майор кивнул на дверь. – Точно труп криминальный?

– Еще какой! – весело фыркнул доктор.

– Может, просто подавился чем-нибудь?

– Даже не надейся, Кошкин. – Доктор с печалью глянул в небо. – Нет, ты видел? Снова тучи! Хотел на выходные детей за город вывезти, а тут снова дождь намечается. Что за лето такое? В общем, так, Сергей Иванович, сугубо предварительно. Смерть наступила в результате отравления неизвестным пока веществом. Умер он практически мгновенно.

– На столах, надеюсь, не убрали? – Кошкин заставил себя не смотреть на пухлые серые облака.

– Столы меня не волнуют, я тело осматривал. Столы по твоей части.

– Личность установлена?

– А как же! Станислав Георгиевич Ивлиев, бизнесмен. Обедал с деловым партнером, где-то он здесь. Трясся всем телом, пришлось успокоительное вколоть. И официантке тоже. Верещала на весь кабак. – Доктор потушил сигарету о подошву, швырнул окурок в урну. – Нет, вот что за погода! Хотели рыбы половить с детьми, на костре пожарить. Ты, майор, иди, осматривайся. Тебя жду – мне тело забирать. Думал, не придется, но приказали.

– Бессонова! – Кошкин отыскал глазами Машу, что-то быстро записывающую под диктовку дамы средних лет в темном платье в обтяжку.

– Да, товарищ майор. – Отпустила полную даму, подошла.

– Ребята уже работают с персоналом и с гостями. На тебе деловой партнер погибшего.

– Так точно.

– Идем. Хочу понаблюдать.

Они вошли в ресторан.

В зале слева от входа сбились сотрудники. Справа сидели посетители – Кошкин насчитал шестерых. Партнер, с которым погибший обедал, сидел в стороне. Бледное растерянное лицо, волосы спутались. Узел галстука развязан, несколько верхних пуговиц на рубашке растегнуты. Руки на коленях, пальцы сжаты. Взгляд в одну точку. «Привлекательный, наверное, мужик, – успела подумать Маша, пока приближалась. – Когда у него все по плану, когда все ладится». Сейчас, когда на его глазах умер знакомый, привлекательного осталось мало. Как измялся человек, вымок весь.

– Здравствуйте. Лейтенант полиции Бессонова. – Маша взяла стул, села, уставилась в бледное перепуганное лицо. – Будьте добры, представьтесь.

– Воропаев. Иван Андреевич Воропаев. – Он нервно дернул шеей. – Вы, что ли, будете допрашивать? Никого опытнее не нашлось?

Этот вопрос она проигнорировала.

– В каких отношениях вы были с умершим?

– Ни в каких.

– Нам сказали, что вы были деловыми партнерами? Это не так?

– Были, ага. Стали ими только сегодня, – пробормотал мужик.

– Подробнее, если можно, – потребовала она.

– Наша встреча... Этот обед... Мы подписали документы о сотрудничестве. Потом обедали, выпивали. И потом это все.

– В какой момент? Что выпил или съел потерпевший – можете точно сказать? После чего он упал?

– Не скажу.

– Почему?

– Захмелел я. В конце концов, я здесь при чем? Можете у официантки спросить, что Стас заказывал.

– Он заказывал себе сам?

– Да. Когда он приехал, я уже был и сделал заказ. Ой, вспомнил! – Он повернулся к Кошкину, который наблюдал за обоими: – Стас закусывал дыней.

– Дыня. – Маша записала. – Ее принесли с фруктовой тарелкой или как отдельное блюдо?

– Глупые у вас вопросы, лейтенант! – возмутился Воропаев. – Разве это имеет значение?

– И все же?

– Да, кажется, была фруктовая тарелка: апельсины, киви, дыня. Виноград еще. Уточните в меню, в конце концов!

– Непременно уточню, – пообещала Маша. Она уже затылком чувствовала недовольное сопение майора. – И еще хотелось бы взглянуть на документы, которые вы подписали в начале обеда.

Вот сейчас Воропаев напрягся. Она как будто под микроскопом его рассматривала: растерянный человек на глазах превращался в бизнесмена – настороженного, расчетливого, хищного.

– С какой это стати? – Он сузил глаза в щелку. – Вы бы поучили молодых сотрудников, как надо работать, товарищ полицейский. Это коммерческая тайна! С какой стати вы требуете у меня документы без санкции?

– Значит, нет? – Краем глаза Маша уловила, как один из парней из их отдела сжимает под мышкой портфель погибшего.

Если господин Воропаев не подсуетился, в этом портфеле должен быть экземпляр Ивлиева.

– Мой ответ – нет. Сюда уже едет мой адвокат, поэтому дальше будем говорить в его присутствии.

– Чего он так занервничал, когда ты спросила насчет документов? – поинтересовался Кошкин по дороге в отдел.

– Пока не знаю. Читаю. – Маша прямо в машине углубилась в бумаги из портфеля.

– Как думаете, ребята, был у Воропаева мотив убрать партнера? – обратился Кошкин к сотрудникам.

– Даже если и был, товарищ майор, как-то глупо убирать Ивлиева прямо в момент подписания документов, – отозвался Саша Стешин, высокий крепкий блондин с трогательными веснушками на щеках.

– Родственников установили?

– Родителей нет, воспитывала его тетка. Так сказала его секретарша, – ответил Денис Рыжков, тот, что сидел за рулем внедорожника. – Родом он откуда-то из Сибири. Она уточнит в личном деле. Обещала помочь с поисками родственников.

– Что еще секретарша говорит? Есть у нее предположения, кто мог желать смерти шефу?

– Она не говорит, все больше плачет. – Рыжков ядовито ухмыльнулся. – Зуб даю, у них был роман.

– Во-от! – поднял палец Кошкин. – Любил ее, любил, а потом бросил. Тоже мотив. Займись завтра, Денис, секретаршей.

– С удовольствием, – хохотнул тот и подмигнул напарнику. – Судя по голосу, она ничего.

– А ты прямо по голосу можешь определить, как женщина выглядит? – хмыкнул Кошкин.

– Могу.

– Да ладно тебе, Денис, гнать-то, – рассмеялся Саша Стешин. – У моей Валюши голосок писклявенький такой, невыразительный. А красotka она какая!

Денис промолчал, и Маша сделала вывод, что красоту Валюши он не оценил.

– Если Эльза в телефоне – это она, тогда действительно красивая, – улыбнулась она рассеянно. – Судя по сообщениям, которыми они обменивались, Стас Ивлиев не собирался с ней порывать. Более того, он ей доверял. И у них был роман, это точно.

– Когда ты все успела-то? – Саша повернулся к ней с переднего сиденья, удивленно прищелкнул языком. – Куда не повернусь – ты. То с Воропаевым говоришь, тут же, смотрю, ты уже с персоналом. И с гостями я тебя видел. Шустрая ты, Машка.

Поди пойми, хвалит он ее или осуждает. Она сдержанно улыбнулась. Денис вел машину, на Сашины слова никак не отреагировал.

– Что хоть узнала-то, колись. Я с кем ни говорил – никто ничего не видел. Столик в углу, за аквариумом. Слышали хохот, потом крик официантки. А видеть никто ничего не видел. Так что если у Воропаева был мотив, он мог отравить его запросто. Ладно, экспертиза покажет, в каком блюде был яд.

– В блюде или в напитках. – Майор внимательно смотрел, как Маша переворачивает последнюю страницу договора. – Дочитала?

– Так точно, товарищ майор.

– Что скажешь?

– У Воропаева был мотив, товарищ майор.

– Интересно. И какой же?

– Ему была выгодна смерть Ивлиева. – Маша убрала договор в папку и сунула ее в портфель погибшего.

– Можно подробнее, товарищ лейтенант? – с непонятной злобой потребовал Денис Рыжков. – Что, в этом договоре прямо ответ имеется?

– Сам договор не вызывает вопросов. Ивлиев передал Воропаеву часть акций, условия выгодны для обеих сторон. Для Ивлиева это просто подарок: его бизнес в ближайшем будущем мог уйти с молотка.

– В чем тогда подвох? – Кошкин с недоверием разглядывал сотрудницу-вундеркинда.

– Подвох в дополнительном соглашении, напечатанном мелким шрифтом. Думаю, Ивлиев подписал его не читая. И зря.

– Давай же, чего тянешь? – поторопил Денис. – Что там, в этом дополнительном соглашении?

– А там прописано, что в случае внезапной смерти одного из компаньонов весь бизнес переходит ко второму. Это допсоглашение заверено нотариально. Так что теперь Воропаев – полноправный хозяин фирмы Ивлиева. Вот так.

– Я лично досматривал Воропаева. – Денис, судя по голосу, раздражался все больше. – Карманы пустые, в портфеле тоже ничего подозрительного. Он не мог отравить Ивлиева. Тот даже с места ни разу не встал. Они друг у друга все время были на виду.

– Еду уже принесли отравленной, – согласилась Маша. Теперь, когда документы были в портфеле, она не отрывалась от стриженного затылка Рыжкова.

– Экспертиза установит, – кивнул Кошкин.

– А вот это вряд ли, товарищ майор.

– Что ты имеешь в виду, лейтенант? – Эта девица, кажется, уже и Кошкина начала злить. – Говори толком, хватит твоих загадок!

– Со стола пропала тарелка с фруктовой нарезкой, товарищ майор. Я лично осмотрела все – ее нигде не было: ни в кухне, ни на соседних столах. В мусорных контейнерах возле ресторана ее тоже нет. Тарелка пропала.

– А официантка что говорит по этому поводу?

- Говорит, что не убирала ее. И никто не убирал. Никто, кроме убийцы.
- Получается, убийца кто-то из персонала?
- Тоже вряд ли, товарищ майор.

Маша почувствовала, как атмосфера в салоне накаляется. Саша Стешин тарашился на нее с изумлением. Рыжков злился. У Кошкина ее умозаключения тоже восторга не вызывали.

- Воропаев утверждал, что Ивлиев закусывал дыней.
- Это я слышал. И что дальше? – поторопил ее начальник.

– В перечне того, что входит в нарезку в этом ресторане, дыни нет. Только киви, апельсин, банан, яблоко, груша, виноград. Дыни нет. А Ивлиев закусывал дыней. Значит...

- Значит, отравлена была именно дыня? Ты это хочешь сказать?

– Думаю, да.

- А официантка что же, не видела, что несет в тарелке?

– Утверждает, что ей некогда на такое обращать внимание. Дыня и дыня. Может, подарок от шеф-повара. Только сам шеф-повар о дыне ни сном ни духом. Даже холодильник показал – нет там дыни. Кто-то ее положил уже после того, как тарелку выставили на стеллаж, откуда их берут официанты. А потом в суматохе тот же человек забрал тарелку со стола.

– Лихо! – похвалил Кошкин непонятно кого. – Тогда это точно кто-то из персонала. Надо их трясти.

– Или человек, замаскировавшийся под работника кухни. Заметьте, этот человек должен был знать о вкусах Ивлиева. Знать его настолько хорошо, чтобы быть уверенным, что он закажет именно фрукты. Не сыр, не овощи, а фрукты. Убийца знал его. И вот еще что...

Рыжков даже по тормозам дал, так хотелось рассмотреть эту выскочку. Второй день, понимаешь, в отделе, а у нее уже полный расклад по картине преступления. Они с Сашкой обычно неделю над этим пыhtят, а эта... Умнее всех, что ли?

Три пары глаз уставились на нее. В салоне сделалось душно, майор попросил Рыжкова открыть окно. Тот послушно опустил сразу все четыре стекла. Потянуло ветерком.

- Так что, Бессонова? – Кошкин скрестил пальцы на животе.

– Когда мы подъехали, ко мне подошла женщина. Помните, товарищ майор, даму в черном платье?

- Это с которой ты говорила, пока я с врачом здоровался?

– Так точно.

- И что дама в черном платье?

– Сказала, что видела подозрительного человека в начале четвертого, точнее, в пятнадцать семнадцать. Видела у служебного входа в ресторан. Среднего роста, щуплый, по одежде не понятно, парень или девушка.

– Как это не понятно? – Саша Стешин поднял бровь. – По походке и жестам все равно поймешь.

– Значит, наша дама не эксперт, – пожал плечами Маша и зачем-то добавила: – Ей не дано по походке и голосу определить, как выглядит человек.

Рыжков понял, в чей огород камешек. Сжал губы, растянул их в подобие улыбки. Слегка покивал: ладно, дескать, поживем – увидим.

- Дальше! – взорвался Кошкин, от которого не укрылась эта пантомима.

– Свидетельница утверждает, что подозрительный субъект какое-то время прохаживался вдоль стены. Потом присел – будто бы завязать шнурок. Потом подхватил пакет с чем-то и вошел внутрь. Как он выходил, дама не видела.

– Так! – Кошкин развернулся к Маше, глянул недобро. – Ты что делаешь, Бессонова? У тебя был важный свидетель, а ты его, вместо того чтобы допросить по всей форме, отпускаешь. Черт знает что в отделе творится! А если она, эта твоя дама в обтяжку, видела убийцу?

– Так точно, товарищ майор, – спокойно ответила Маша. Денис Рыжков торжествовал. Надо же, даже улыбки не скрывает на радостях, что ее разносят.

– И где нам теперь искать эту даму, а, Бессонова?

– Она завтра обещала прийти в отдел, товарищ майор. Для дачи показаний.

– Обещала она, – фыркнул Кошкин, успокаиваясь. – А если не придет?

– Тогда я сама к ней поеду, товарищ майор. Я записала адрес. – И закончила персонально для Рыжкова: – Вместе с паспортными данными.

– Дама гуляла возле мусорных контейнеров с паспортом? Какая удача! – Он отвернулся, завел машину, поднял все стекла. Дальше говорил уже на ходу: – И ведь как точно время запомнила! Поразительная память. А сама-то она, Мария Ивановна, зачем там отиралась? Не она ли отравительница? Может, она мамаша какой-нибудь девушки, которую Ивлиев обидел? Вырядилась уборщицей, скажем. На них ведь никто и никогда не обращает внимания. Дождалась, когда поставят тарелки для официантки, втиснула туда дыньку. Потом, когда Ивлиев рухнул под стол, спокойно умыкнула тарелочку и смылась. Дождалась нашего приезда и тогда...

Секундной паузы оказалось достаточно, чтобы Маша успела вставить:

– Значит, с общей картиной преступления вы, Денис, согласны? Я правильно понимаю?

Он замолчал. И молчал два дня.

Нет, со всеми остальными он разговаривал. Со всеми, кроме нее.

Она уже поняла, что, убегая с прошлого места работы от всеобщей нелюбви, ничего не добилась. Ничто не изменилось, ей по-прежнему будет трудно. Трудно и одиноко.

Она обречена на нелюбовь.

Глава 4

– Сынок! Сынок, ты должен сказать ей правду!

Мать замерла с кастрюлькой, которую только что сняла с огня. Как всегда, по утрам она варила ему кашу. Каждое утро. Кашу. И, как в детстве, заставляла съесть все до последней ложки. Хорошо, хоть каши были разные: овсяная, пшеничная, рисовая, перловая. Если бы каждое утро была одна и та же, он бы точно прыгнул с балкона как-нибудь за завтраком.

Он ненавидел каши.

Он с радостью съел бы омлет с ветчиной и грибами. Он этими омлетами обедался в отеле на отдыхе, мстительно радуясь, что матери нет рядом и она не заставит есть чертову кашу. Еще наделал бы гору бутербродов с копченым лососем, салатом, мягким творогом и сырокопченой колбасой. Сварил бы кофе целый кофейник.

Но что поделаешь, он очень любит свою мать. Возражать ей он не мог. Не мог с ней спорить. Если честно, эта забота о нем, взрослом тридцатилетнем мужчине, умиляла. Она не связывала его по рукам и ногам, здесь были четкие границы. Мамина любовь не делала его слабее. Она заряжала его энергией. Она придавала уверенность.

Это на работе он строгий заведующий хирургическим отделением и талантливый хирург, которого слушают и уважают. Это там он отвечает за всех: за себя, за персонал, за больных. Это там он сильный, жесткий, всемогущий. Иногда деспотичный, да.

А дома...

Дома он по-прежнему сынок. Мамин мальчик. Любимый мамин мальчик.

– Какую правду, мам? – Игорь с тоской смотрел в пустую тарелку, куда вот-вот шлепнется комок густой овсянки.

– Ты должен сказать ей, что хочешь семью и детей. Что ваши свободные отношения не для тебя!

– Господи, мама, о чем ты? – Он тихо рассмеялся.

– Что? – Мать осторожно зачерпнула половником, шлепнула кашу в тарелку, потом еще и еще. – Я что-то не то говорю?

– Совершенно не то.

Игорь взял ложку. От перспективы съесть все мысленно передернулся: порция была огромной.

– А что не так, сыночек? – Мать села напротив, осторожно принялась за свой травяной чай. – Я все неправильно поняла? Это ты не хочешь семью, а не Оля? Это тебя устраивают ваши свободные сексуальные отношения?

– В точку, мам. Ты умница! Оля хоть завтра в ЗАГС побежит. А я... Я пока не готов.

Он вдохнул и отправил в рот первую ложку. Так бывало всегда: на вкус каша оказалась гораздо приятнее, чем на вид. Он не заметил, как съел все. Запил зеленым чаем с какими-то маминими мудреными добавками. Полез из-за стола.

– Мам, – поцеловал ее седую макушку, – все вкусно. Спасибо.

– Иди уже, обманщик. – Она шутивно шлепнула его по руке. – Терпишь мои каши. Вижу, что с трудом терпишь. Знаю, на отдыхе сметал омлеты с ветчиной. Ты же любишь их. Только, сынок, потом поймешь, насколько то, что вкусно, бывает вредным.

– Мам, я же врач, я в курсе. Потому и терплю каши.

Он пошел в прихожую, прекрасно зная, что мать бросит свой любимый чай и последует за ним. Чтобы поругать, что он носит мокасины без носков. Что приличный вполне пиджак надевает на футболку. Что кожаный портфель давно требует замены. И еще поцелует его в лоб на прощание.

Это был ежедневный ритуал. Пока он не готов к тому, что по утрам его станет провожать до двери другая женщина.

Хотя Ольга и не стала бы его провожать. Она работает с ним вместе в отделении. Прекрасный хирург, к ней тоже выстраивается очередь, как и к нему. Она вряд ли станет колдовать над кашами каждое утро, скорее предложит перекусить по пути. И детей, если бы они у них случились, не станет сама воспитывать – сразу найдет няню. И через неделю после родов снова встанет к столу.

Ольга ему нравилась. Очень нравилась. Роскошная женщина, изысканная, стильная. Секс с ней был стремительным, желанным, не приедался, не оставлял ощущения, что что-то не так.

Игоря все устраивало. Кроме одного.

С ней не бывало уютно. При ней он все время ощущал себя как будто на людях – как на беговой дорожке. Она не из тех женщин, с кем удобно помолчать. Почитать каждый свою книгу, забившись в разные углы дивана под один плед. Просто посидеть в сквере на лавочке и посмотреть, как осыпаются листья.

– Что за бред, Новиков! – хмыкнула она однажды, когда он предложил пойти слепить снежную бабу. – Стану я на каблуках по сугробам прыгать. Еще простужусь! И перчатки десятку стоят. Отстань.

Он отстал. И никогда больше не предлагал ничего подобного. Но легкая зависть накрывала, когда он видел влюбленные парочки, засмотревшиеся на облака или слизывающие снежинки с ладони.

Все дело в старомодном мамином воспитании? Наверняка, но Игоря это не смущало. В этом не было ничего дурного или противоестественного. Он точно знал, что где-то есть его единомышленница, которая и бабу снежную с ним станет лепить, и каши варить по утрам, и детей его воспитывать. И на санках они их будут наперегонки катать. И летними ночами на даче лягушачьим хором будут заслушиваться. И находить его прекрасным.

А Ольга хора не выдержала и удрала в город в половине третьего утра.

Вышел на улицу, успел порадоваться, что солнце сегодня не слепит. Мать собралась по магазинам, а при ярком солнечном свете она не видит ничего. Солнцезащитные очки не любит, привыкла щуриться на солнышко. По этой самой причине уже дважды чуть не погибла под колесами.

– Тепло и пасмурно. Отлично, – пробормотал он, усаживаясь за руль.

Приехал на работу – и началось. Две плановые операции сразу после оперативки и обхода. Потом привезли тяжелого после аварии. Не успел зашить – позвонили сверху и напомнили, что приближается проверка. Он об этой чертовой проверке успел совершенно забыть. Пришлось снова собирать всех и еще раз пройтись по слабым местам. Только народ разошелся – Ольга ворвалась, как торнадо.

– Новиков, я соскучилась. – Она с ногами забралась на диван. – Мы очень давно не виделись. Хочу тебя, Новиков.

Голос звучал низко, густо – подтаявшая карамель, а не голос. Игорь мысленно чертыхнулся. Он весь день не звонил матери, от нее пропущенных тоже не было. Только собрался набрать, как явилась Оля. При ней он матери никогда не звонил. Не потому даже, что она могла потом припомнить и поставить ему на вид любое слово или интонацию. Просто не хотел, чтобы кто-нибудь присутствовал в этот момент, и все. Без причин и объяснений.

– Оля, мы на работе. – Он поморщился: она села на край стола и потянулась с поцелуем. – А если кто войдет?

– Мы взрослые люди, Новиков. – Ее глаза волнующе поблескивали. – И потом, все знают, что у нас отношения.

– А у нас отношения? – Он положил ладонь на ее колено, погладил. – Секс три раза в неделю – это отношения? По-моему, отношения – это нечто большее.

– Ох, Новиков, не усложняй, а? – Спрыгнула со стола, перешла на кушетку. Помолчала, рассматривая его. Потом со вздохом выдала: – Ты сам виноват.

– В чем?

– В том, что у нас с тобой все так скупо, лишено романтики.

– Да? Я?

Он изобразил удивление, но спорить не хотел. Поначалу он, правда, пытался сделать, чтобы у них все было красиво. Пару раз она его усилий не отметила, и он остыл.

– Так в чем моя вина, Оля?

Подпер щеку кулаком, уставился на нее. Снова сделал вид, что ему интересно. На самом деле он бы сейчас с радостью выпил крепкого чаю. С творожными кексами, которыми его время от времени угощала санитарка Люся. Потом позвонил бы матери. И прилег на кушетку, дал отдых ногам и пояснице.

Совсем, если честно, не было настроения ворошить то, что между ними. Как уж есть. Секс без обязательств, значит, секс без обязательств. Сам виноват. Зачем, спрашивается, начал задавать эти дурацкие вопросы?

– Твоя вина в том, что ты все еще живешь с мамой! – выдала Ольга. – Тридцатилетний мужчина – с мамой!

– Минуточку, дорогая.

Уронил руку на стол, какое-то время внимательно рассматривал свои длинные пальцы с очень короткими ногтями. Потом сцепил их в замок. Поднял взгляд на Ольгу.

– Хочу внести ясность, – таким же чужим голосом, как у нее, начал он. – Это не я живу с мамой, а мама со мной. Если ты помнишь, она жила в другом городе. И я перевез ее оттуда, чтобы ей не было одиноко. Чтобы на старости лет она не осталась совсем одна.

– Это ты о ком, Новиков? – Ольгины брови удивленно поднялись. – Софья Станиславовна – старуха? Издеваешься? Она полна энергии и, надеюсь, еще долго такой останется.

– Спасибо. – Нет, он не купится на лесть.

– И вполне могла бы жить отдельно. Да, в нашем городе. Но отдельно.

– А если она не хочет? Не могу же я ее выгнать из дома! – зло фыркнул Игорь. Помолчал, добавил: – Только потому, что это кому-то не нравится.

Что-то в его голосе, в позе, в том, с какой силой он сжимал пальцы, намекало, что она движется не в том направлении. Она ступила на запретную территорию. Следовало остановиться.

– Да не в этом дело, Игорек, – хохотнула она. Задрала белоснежный халатик, спинку изогнула, как надо. – Просто ты рано или поздно женишься, а две хозяйки на одной кухне, как известно, не уживаются.

– Значит, – он встал, подошел к двери, приоткрыл ее, – значит, буду искать такую хозяйку, которой моя мать не помешает. А теперь извини, Оля, мне срочно надо позвонить.

– Ладно, я все поняла. – Полный сочный рот тронула фальшивая улыбка. – Будем искать понимание с Софьей Станиславовной.

Как будто ему это нужно. Вроде как он ее уже замуж позвал. Как будто он такой олух, чтобы в самом деле поверить, что Ольга способна переделать себя ради него и его матери. Оля не такая.

– Пока, милый. – Притормозила у двери, поймала его подбородок двумя пальцами. Крепко прижалась губами к его губам. – Не обижайся на меня. Я просто соскучилась.

Он закрыл за ней дверь, для верности даже запер на ключ. Вернулся к столу, достал мобильный. Звонки, второй, третий. Мать не отвечала. Стал звонить на домашний. Тоже тишина. Набрал соседку.

– Анна Ивановна, голубушка, не очень беспокою, если попрошу вас зайти ко мне?

У него почему-то вспотело лицо, а ноги налились тяжестью. Три операции? Ладно, и похлеще бывало. И ничего, бегал потом по этажам, как мальчик. Это все из-за матери. Из-за страха за нее.

– Алло, Игорь? – позвал голос соседки.

– Да-да, Анна Ивановна, я здесь.

– Нет ее дома. Я звонила, стучала – нет ее.

– А что же она мобильник не берет?

– Так забыла его! Я прямо под дверью набрала, и мобильный в двух шагах затренькал. Положила, наверное, в прихожей и забыла. Такое с Сонечкой уже бывало.

Да? А он не помнил. И не помнил, чтобы мать за весь день ему ни разу не позвонила.

– А вы видели, как она в магазин уходила, Анна Ивановна?

– Видела, – порадовала соседка.

– Когда это было?

– Где-то перед обедом.

– А сейчас почти пять, – прошептал самому себе. Боль неожиданно сдавила сердце.

– Что-что?

– Нет, ничего. Спасибо вам огромное.

– Если увижу Сонечку, сказать, чтобы вам перезвонила?

– Что? Да, конечно. Нет, не нужно. Я сам.

Он уже снимал халат. Набрал заместителя, объяснил ситуацию.

– Волнуюсь, старик. Ушла, мобильник дома. Уже пару раз чуть под колесами не погибла.

– Понял-понял, езжай. Если что-то срочное, Ольга встанет к столу.

Сел в машину, снова посмотрел в небо. Облачность! Плотные серые тучи, солнца вообще не видно. Как она могла? Где?

Что мать попала в историю, он почти не сомневался. Надо было объехать все точки, где она обычно бывала. Кто-то что-то да видел. Человек не соринка, просто так исчезнуть не может.

– Была Софья Станиславовна, была, – покивала продавщица в мясном ряду на их рынке. – Я ей антрекот отложила, она заказывала.

– В котором часу это было?

– Так до обеда еще. Она собиралась домой, вымачивать его в маринаде. Поболтали мы с ней немножко, не без этого.

– У нее что-нибудь болело? Она на что-то жаловалась?

– Да нет. Бодрая и веселая была, как всегда.

Он помчался дальше. Благо, мать не любила крупных магазинов. Прошел по ее маршруту след в след. Удостоверился, что она побывала везде и чувствовала себя прекрасно. И точно добралась до дома, потому что еще минут десять болтала в их дворе с продавцом газет из киоска.

– Купила у меня журнал с рецептами заготовок на зиму, мы еще обсудили с ней пару способов засолки. А потом Софья Станиславовна пошла к подъезду. – Седая голова продавца высунулась в окошко. – Мне же отсюда видно. В подъезд она вошла и больше сегодня никуда не выходила.

Игорь натянуто улыбнулся:

– Могли и просмотреть.

– Никогда! Такую женщину не заметить?..

Смутился, умолк. А Игорь побрел к своему подъезду.

Что имел в виду этот старый мухомор? Уж не засматривается ли он на его мать? Ха! Безнадежно. Мать после смерти отца каким бравым генералам, отцовским соратникам, от ворот поворот давала. А тут продавец из киоска. Смешно.

– Мама! – громко позвал он с порога. – Мам, ты почему не отвечаешь?

Мобильный в самом деле лежал в прихожей на полочке, здесь Анна Ивановна как сквозь стену смотрела. И туфли, в которых мама ходила, стояли слева от двери. Аккуратно так, носок к носку. Тапочек не было. Значит, дома. Или задремала у себя и телефон не слышит, или на кухне чем-то увлеклась, и ей не до телефона.

Он знал прекрасно, что это не так. Она бы никогда не оставила телефон просто на полке. Не забыла бы, потому что сын может позвонить. И она не могла хоть раз в день не спросить, как у него дела. Он точно все это знал, но продолжал надеяться на чудо. Открывал одну дверь за другой и звал ее.

Она сидела в кухне. В его огромной кухне-столовой с модной дорогой мебелью, большим угловым диваном и удобным креслом у балконной двери. Мать любила в нем отдыхать с каким-нибудь журналом. И сейчас сидела в нем, и советы по заготовкам были у нее в руках. Только вот...

Только вот глаза, смотревшие на страницу, были неживыми. Даже если бы он не был врачом, хорошим врачом, он все равно понял бы, что ее больше нет.

– Мама, мама. – Игорь всхлипнул и упал перед ней на колени. – Как же так? Что же ты наделала, мама?

Глава 5

– Бессонова! – крикнул Кошкин ей в спину. – Срочно вернись!

Она вышла на минуту за кипятком. Всего на минуту. Полдня просидела за столом не вставая. Прodelала колоссальную работу, а никто как будто не видел. С композиционным портретом предполагаемого отравителя уже работают, разослан по отделам. Благодаря кому? Ей, само собой. Дама в черном платье оказалась весьма полезным свидетелем. Мало того что приехала в отдел для дачи показаний, так еще и сообщила много нового. Даже приметы подозреваемого сумела вспомнить. И что?

А ничего. Ни слова похвалы. А этот гадкий красавчик Денис Рыжков ее вообще, кажется, возненавидел. За что? Непонятно. Кошкин ни так ни сяк, просто ее терпел. Саша Стешин проявил понимание. Но тоже не мог идти против всего отдела.

Снова Маша осталась одна. Одна за столом в своем отделе. Одна дома. Одна во всем городе.

– Товарищ майор, можно я кипяток налью? – Маша умоляюще посмотрела на Кошкина, потрясла пустой чашкой. – Я без обеда.

– Ладно, давай, только пулей. Там у нас человек дожидается. Займешься его заявлением. Десять баллов, Денис.

Человеком, о котором говорил Кошкин, занимался сначала Рыжков. Маша не прислушивалась, но поняла по обрывкам, что мужик не может смириться со смертью матери и пытается обвинить весь свет. Рыжкову хватило десяти минут, чтобы понять, что дело безнадежное, и по-быстрому слиться. Теперь, понятно, шеф спихнет все на Машу.

А у нее нет выбора, придется разбираться. Не разберется, значит, мало опыта. Разберется? Так точно.

Но в этом деле, кажется, без вариантов. Кое-что она все же слышала краем уха.

Налила кипяток, подергала за ниточку чайный пакетик. Пока дойдет обратно, чай заварится.

В отделе, кроме посетителя, уже никого не было. У всех нашлись неотложные дела. А ее неотложное дело – вот оно. Напротив стола на стульчике, сгорбившись, сидит.

– Извините, что заставила вас ждать. – Маша кивнула на чашку. – Проголодалась немного.

– И это весь ваш обед? – Он недоуменно поднял брови.

– К счастью, нет. Есть еще салат и творожная запеканка, – улыбнулась она.

Зачем ему об этом знать? Ему интересно, что ли, что она в следующие десять минут проглотит?

– Сами делали?

– Что, простите? – Маша выудила пакетик из чашки, швырнула в корзину для бумаг.

– Запеканку творожную сами делали?

– Да.

– И салат тоже? Не покупали?

– Да. – Она растерялась.

Чудак, оказывается, еще тот. Рыжков его раскусил за десять минут.

– Это хорошо. – Посетитель вздохнул. – Это правильно. Магазиновые салаты есть нельзя, так мама говорила. Она великолепно готовила.

Маша промолчала, присмотрелась внимательнее.

А он хорош собой. Респектабельный, успешный, судя по одежде и парфюму. Модная стрижка. Щетина, правда, запущенная, но здесь все ясно: у него горе. Глаза печальные, умные.

Не похож на истерика, слетевшего с катушек из-за ухода матери, неожиданного и несправедливого.

– Да, я не сумасшедший. Вы правильно подумали, – ответил он ее мыслям.

Игорь Новиков, успешный хирург. Заведует хирургическим отделением – в свои-то тридцать лет.

– Поэтому сочинять небылицы, как вы понимаете, не могу.

– Вы о чем?

Ей жутко хотелось есть. Перед походом за кипятком она успела открыть контейнер с салатом. Пахло вкусно.

– Ваш коллега решил, что мое заявление – следствие истерики. Запоздалое раскаяние сына, который мало внимания уделял матери. Это не так. Послушайте, Мария Ивановна, – он вытянул руку и указательным пальцем постучал по столешнице, – у вас там салат. Так дивно пахнет. Почему вы не едите?

– Простите, но...

– Меня стесняетесь? А зря. Ешьте на здоровье. И знаете что? – Он как-то неожиданно странно улыбнулся. – Если бы вы были не против и угостили, я тоже отведал бы вашего салата.

Она опешила.

– И запеканки. За кипятком я схожу. Есть еще чашка?

Чашка нашлась в шкафу, и к ней пара тарелок и разномастные вилки. Пока он ходил за кипятком, Маша разделила салат на двоих. Ели почти не разговаривая. Потом пили чай с творожной запеканкой с вишней и шоколадом.

– Очень вкусно. Очень! – восхитился он, когда Маша убрала посуду со стола. – И салат, и запеканка. Если вы так превосходно ищете преступников, как готовите... Простите. Знаю, что звучит глупо.

– Итак, приступим, Игорь Валентинович. – Маша взяла в руки его заявление, пробежала глазами по строчкам. – Вы утверждаете, что вашу мать убили. Так?

– Совершенно верно.

– Откуда такое заключение? – Она кашлянула и поправилась: – Почему вы так решили?

– Это не я так решил. А наш патологоанатом. – Впервые с той минуты, как вошел сюда, он распрямил спину. Посмотрел на нее печальными глазами. – Я даже подумать не мог. Даже не мог представить! А он нашел след от инъекции. Спросил, лечилась ли мама от чего-то. Я сказал, что нет. Случались, конечно, возрастные недомогания, но в общем она была здорова.

Он замолчал, опустил голову. Дыхание сделалось тяжелым и прерывистым.

Борется со слезами, догадалась Маша.

– В тот день, – заговорил он через минуту, – она мне не позвонила. Ни разу до пяти вечера.

– А так не должно было быть?

– Мама хотя бы раз за смену звонила всегда. Ответил я, не ответил – не важно. Она не могла не позвонить. А тут я после операции, после всяких дел в отделении замотался. Беру телефон, а от нее ни звонка. Звоню ей – не отвечает. На домашний – не отвечает. Позвонил соседке, попросил зайти. Она сходила. Говорит, слышно, как звонит мобильный в прихожей. Вроде видела, как мать уходила, но еще до обеда. – Новиков снова замолчал, собираясь с мыслями. – Я сорвался и, не заезжая домой, помчался по всем местам, где она бывает. Магазины, рынок. Дошел до газетного киоска у нас во дворе, оттуда виден наш подъезд. Так вот, продавец сказал, что мама с покупками давно зашла в дом. Они еще перед этим поболтали, как обычно. Я домой. А она... – Снова пауза. – Сидит в кресле у балкона. Потом...

– Послушайте, Игорь Валентинович, – мягко перебила Маша, – предлагаю перейти к заключению вашего эксперта.

– Хорошо.

– Кто настоял на вскрытии?

Она точно знала, что, если пожилой человек умирает дома, не на улице, вскрытие обязательно.

– Я настоял. А как? Утром она была полна сил, и вдруг ее нет! – возмутился Новиков.

Он отказывался понимать, что старики могут вот так взять и оставить нас в любой момент. Просто потому, что их старое сердце больше не выдерживает. Без всяких причин. Просто от усталости, от пережитых сотен стрессов. Да, это принять сложно. Ей ли не знать.

– Хорошо. – Она кивнула. – И патологоанатом нашел след от инъекции?

– Именно. Спросил у меня. Я сказал, что ничего такого не было. Никаких уколов матери без меня никто не делал. Даже витамины ей не кололи, а уж такое...

– Что же?

– Инсулин, лошадиная доза. Она умирала два часа. Сначала впала в кому, потом умерла. А я все это время спасал чужих людей. Понимаете, что самое ужасное?

– Что?

Ей неловко было смотреть на него. Он уже не мог сдерживаться. По щекам текли слезы.

– Что я мог ее спасти, мог. Если бы не опоздал. – Новиков закрыл лицо руками, поставил локти на стол. – Это же я виноват. Я!

Маша выбралась из-за стола. Воды в графине на подоконнике оставалось на четверть. Да, теплая, наверняка противная. Но сегодняшняя, она сама утром наливала.

– Вот, выпейте. – Она протянула Новикову стакан, потопталась рядом, не зная, что может сказать.

По собственному опыту знала, что все слова в такую минуту не имеют смысла. Иногда сочувствовать лучше молча.

Он послушно выпил все до дна, даже не поморщился, хотя вода была теплой и противной. Поставил стакан на стол. Пробормотал извинения.

– Ничего, Игорь Валентинович. – Маша вернулась на место. – Знаю, что вы сейчас чувствуете. Я тоже потеряла родителей – сначала отец, потом мама. И тоже считала себя виноватой в их смерти.

– Их убили? – ужаснулся он. – Также убили?

– Нет. Отца сразил инсульт. Маму – горе.

– Господи. – Он покачал головой. – А братья-сестры у вас есть?

– Нет. Я одна.

Маша поморщилась. Она не любила касаться этой темы. Терпеть не могла сочувственных оханий и жалостных взглядов. Такое сочувствие редко бывает искренним.

Но Новиков неожиданно улыбнулся:

– Я тоже. У меня никого, кроме матери, не было. Мы с ней были очень близки.

– Она не говорила ни о чем таком?

Прошло полчаса, а они все топчутся на одном месте. Скоро народ начнет с обеда возвращаться. А Новиков по-прежнему здесь.

– Что вы имеете в виду?

– Может, ей кто-то угрожал? Может, она с кем-то повздорила? Знаете, у пожилых людей все иначе. У них другие обиды и другой... – она искала нужное слово, – масштаб событий. То, что нам кажется пустяком, для них важно. Как у детей. Понимаете, о чем я?

– Да, понимаю. – Он усмехнулся. – Но моя мать была воспитанным человеком. Она никогда не устроила бы скандал из-за очереди в магазине. Или из-за того, что кто-то проехал на машине и обдал ее грязью. Не было у нее недоброжелателей. И врагов тем более.

– Тогда это ваши враги, Игорь Валентинович. Придется вспомнить все нехорошее, что произошло у вас за последнее время.

Маша сделала пометку в блокноте.

– Не было ничего такого. – Он потер пальцами виски, будто пытался отмотать события вспять. – Нет, недовольные у врачей, конечно, всегда есть. Но ничего серьезного, точно.

– Никто не умирал у вас на столе?

– Тьфу-тьфу!

– Вы кому-то отказали в помощи?

– В каком это смысле?

– Скажем, кто-то хотел попасть к вам на операцию, а вы не взяли. Скажем, сочли пациента безнадежным. Или очередь у вас на месяц вперед. Или после операции что-то пошло не так.

– Что именно?

– Допустим, пациент через какое-то время не восстановился, а умер.

– Мария Ивановна, откуда мне знать? Я оперирую с двадцати четырех лет, сейчас мне тридцать. Через эти руки, – он помотал кистями, – прошли сотни людей. Не могу же я всех запомнить и отследить их судьбу! Шесть лет!

– И все же вам придется вспомнить, Игорь Валентинович. – Маша глянула сурово. – Если вы действительно хотите найти того, кто сделал смертельную инъекцию вашей матери.

– Конечно хочу! – возмутился он. – Зачем тогда я здесь?

Затем, что тебя измучило чувство вины – раз.

Затем, чтобы переложить эту вину на кого-то – два.

Затем, чтобы снять с себя подозрения, – три.

Последний пункт Маша держала на случай, если Новиков устал от старой матери и решил от нее отделаться таким изуверским способом. Не хотелось в это верить, но и исключать было нельзя.

– Этого человека ваша мать должна была знать.

– Почему? – удивился он.

– Она впустила его в дом.

– Вы считаете, это случилось дома? – Он сильно побледнел.

– А по-вашему, где?

– Не знаю. Может...

– Не может, Игорь Валентинович, – перебила она. – Вы сами установили, что она умерла в течение двух часов, так?

– Да.

– Когда вы приехали домой?

– В начале шестого.

– Сколько на тот момент она была уже мертва?

Он задумался, обхватил ладонью подбородок. Spина снова выгнулась дугой.

– Я сейчас задаю вопрос не сыну, а профессионалу, – жестко произнесла Маша. – Врачу. А врач по остыванию кожных покровов может установить время смерти.

– Около двух часов, от силы три. Да, три часа. – Его лицо задергалось, как при нервном тике.

– Итак. – Она застрочила в блокнотике. – Вы приехали в семнадцать двадцать, так?

– Приблизительно.

– К этому времени она была три часа мертва. Значит, смерть наступила между четырнадцатью и пятнадцатью часами. Инъекцию ей могли сделать в районе полудня.

– Сразу, как она зашла домой? – Новиков вдруг принялся отчаянно ерошить коротко стриженные волосы. – А вдруг кто-то сделал это в транспорте? Она же ездила на автобусе. Или в магазине?

– Игорь Валентинович, мы ведь с вами понимаем: такую дозу инсулина вколоть незаметно нельзя. Так?

– Да. Вряд ли.

– Ваша мама наверняка поделилась бы с кем-нибудь таким происшествием. Пожаловалась бы на боль. Да просто вскрикнула бы от укола, случись он в общественном транспорте. А она, по вашим собственным показаниям, остановилась во дворе перекинуться парой фраз с продавцом газет. И ни слова.

– Ни слова.

– Значит, это случилось уже после того, как она вошла в подъезд. И скорее всего, случилось в квартире. – Она говорила медленно, просто рассуждала вслух. – Если бы напали в подъезде или в лифте, ваша мама подняла бы тревогу. А здесь, надо полагать, все было добровольно. Что говорит ваш эксперт?

– О чем?

Кажется, он примерял сейчас эту роль, роль убийцы к каждому знакомому. Бегающий взгляд, рассеянное внимание. Она трижды задала один и тот же вопрос, и все без толку.

– Были у вашей матери на теле какие-нибудь синяки, подтверждающие, что она оказывала сопротивление?

– Что, простите? Синяки? Нет, синяков не было. – Кивнул с отсутствующим видом: – Да, вы правы, она сама кого-то впустила. Сама позволила сделать себе инъекцию. Она знала этого человека, здесь вы в точку.

Резко поднялся, одернул дорогой пиджак, надетый на футболку. Неожиданно протянул руку:

– Отдайте.

– Что?

– Отдайте заявление.

– Не поняла. – Маша тоже поднялась. – Сожалею, Игорь Валентинович. Но...

– Я отзываю свое заявление.

– А почему? – Она резво убрала за спину лист бумаги, исписанный его нервным почерком. – Вычислили убийцу и желаете с ним покончить самостоятельно?

Он промолчал. Только дышал тяжело и смотрел исподлобья, с невесть откуда взявшейся неприязнью.

– Сядьте, Новиков!

Странно, но он послушался. Упал на стул. Его трясло – подпрыгивали колени, дергались пальцы на лацкане пиджака, кривился рот.

– Вы не вернете мать к жизни, если устроите самосуд. Зато свою жизнь искалечите. Я уже не говорю о том, что вы можете ошибиться и пострадает невинный человек.

– Невинный? – заорал он вдруг каким-то грубым, отвратительным голосом. – А кому, кроме нее, мешала мама? Кому еще могла открыть дверь? Кому позволила бы сделать инъекцию, если не врачу? Кому, кроме Ольги, которой она так мешала?

Интересно. Есть, оказывается, Ольга. Врач, которой мешала будущая свекровь. Очень интересно. А как у Ольги с алиби – вот что сейчас интереснее всего.

Но вслух Маша сказала другое:

– Ваша мать могла открыть дверь любому медработнику или тому, кто представлялся врачом. Но координаты Ольги все же оставьте. Я вас больше не задерживаю, Игорь Валентинович.

Маша выразительно глянула на часы. Через пару минут вернется с обеда Кошкин. За ним притопает Саша. А может, и Денис почтит их собрание своим присутствием.

– Заявление я все же оставляю. – Новиков глянул на нее с болью: – Не знаю, как поступить.

– Да, заявление пусть пока остается. Но хочу, чтобы вы знали: если подтвердится факт насильственной смерти, будет уже не важно, есть заявление или нет. Это перестает быть только вашим делом. Это уже убийство, Игорь Валентинович.

Глава 6

Денис Рыжков час сидел в машине, дожидаясь официантку из ресторана «Алия». На работе ее не было – взяла больничный после несчастного случая с клиентом.

– У нее, видите ли, стресс! – орал на Рыжкова старший смены. – А у меня, мать ее, народу не хватает! Уволю к чертовой матери. Увидите – так и передайте. Передайте, передайте. Может, это повлияет на ее постельный режим.

Постельного режима никакого не было. Официантки не было дома.

– Гуляет, – беспечно пожала плечами соседка по квартире.

– Где гуляет? – улыбнулся Рыжков.

По привычке оценил соседку по пятибалльной шкале. На троечку тянула соседка, никак не больше. Волосы не ухожены, кожа бледная, под глазами синяки. На подбородке следы от выдавленных прыщиков. Если бы не приятная улыбка и милые голубые глаза, поставил бы двойку.

– Где-то. – Она неопределенно повела руками.

– Когда будет?

– А какой сегодня день?

Рыжков назвал и день и час.

– Ага. Тогда вот-вот должна подойти.

– А позвонить ей никак нельзя?

Он звонил несколько раз – телефон был выключен.

– Можно, только не ответит.

– А тому, кто с ней сейчас, позвонить нельзя?

– Какой вы!.. Ладно, я сейчас.

Ушла в комнату, отсутствовала минут десять. Вернулась и с той же приятной улыбкой сообщила, что Верка скоро будет.

Денис вернулся в машину и прождал почти час. Он не нервничал, нет. В отдел возвращаться не хотелось. Все из-за Машки. Он ее уже потихоньку ненавидел.

Выскачка. Дрянь.

Как только он ее ни называл про себя. Как только ни унижал в мыслях, заставляя уважать себя и свой опыт. Он в органах уже больше десяти лет. У него сложных дел сколько было! Не все раскрыл, да. Но ведь не один такой.

А что делает она? Она смотрит на место преступления и с ходу, просто с ходу рисует картинку. Кажется, даже не задумывается. Кошкин поначалу недоверчиво хмыкал. Теперь уважительно помалкивает. Сашка Стешин просто в рот ей смотрит и никакой критики не желает слышать.

Сегодня утром, когда они встретились на парковке, прямо так и сказал:

– Ты, Дэн, ей просто завидуешь.

– С чего это вдруг?

– Потому что она умница.

– Может, и так, – осторожно согласился Денис. – Но меня она бесит.

Не в зависти здесь дело. Умная, слишком умная. Интуиция просто супер. Независимая. Красивая. По его пятибалльной шкале эта вздорная девчонка тянула на... десять с плюсом.

В ней не было изъянов, сколько Денис ни искал. Машку словно на 3D-принтере слепили по заказу. Фигура, рост, кожа, волосы, лицо – все было практически совершенным. Таким, как должно быть.

Рост чуть выше среднего. Узкая талия, приятные для мужского глаза округлости там, где надо. Длинные стройные ноги. Темные волосы подстрижены даже слишком коротко, но это ее не портило, наоборот шло. Серые глаза, аккуратный нос, пухлые губы.

Если бы эти губы только реже открывались. А то как начнет говорить, так в очередной раз думаешь о себе как о бездарности. Вроде никому персонально ее выводы не адресованы. Говорит ни на кого не глядя, бубнит даже. А все слушают, включая майора.

И ему, Денису, приходится слушать. И думать о себе нехорошие вещи.

– Вера! – Неверной походкой девица продвигалась по двору в сторону подъезда. – Вера, подождите!

Остановилась. Покачнулась. Поискала взглядом опору. Нашла скамейку, с разлета усе-лась. Широкая юбка вздулась колоколом. Вера прижала юбку, поправила узкие лямки наряд-ной кофточки в блестках. Игриво улыбнулась Рыжкову, который присел рядом.

– Гуляете?

– А че, нельзя? – Облизнула сухие губы. – Попить нет?

Денис вернулся в машину, принес бутылку минералки.

– Спасибо, командир. Не дал умереть от жажды. – Девица опорожнила бутылку напо-ловину. – Давно ждешь, командир?

– Давно. Вы же на больничном, Вера, – упрекнул он. – А в загуле.

– Я не в загуле. Я снимаю стресс.

– Какой?

– Такой! – Она покосилась на него хмельным глазом. – Не каждый день у тебя умирает постоянный клиент.

– А Ивлиев был постоянным клиентом?

– Ага. На неделе раза три-четыре захаживал.

– Что заказывал обычно?

– По-разному, зависит от того, когда заходил. Но вот что я тебе скажу, командир. – Вера уставилась на свои грязные босоножки. – Ваша эта девушка, которая всем душу вымотала вопросами, права на все сто!

– В чем же она права, наша девушка? – Он чуть зубами не закрипел.

– Ивлиев почти всегда заказывал фрукты. Почти всегда! Даже когда не выпивал ничего. Очень он их любил, фрукты. Однажды признался, что рос в глухой сибирской деревне, апель-синов в детстве не видел никогда. Права ваша коллега: тот, кто подсунул ему отраву в эти фрукты, точно знал, что он их закажет. Но вот клянусь! – Вера приложила ладонь к груди. – Ничего не заметила. И этого не видела, которого мне на портрете показывали. Там же...

– Что, Вера?

– Там двор проходной – в том месте, куда нам заказы выставляют. Вы видели этот кори-дор?

Конечно, он видел. Узкий коридор начинался у запасного выхода и заканчивался перед кабинетом директора. Из него вели двери в кухню, в обеденный зал и в подсобные помещения. Вход в обеденный зал венчала широкая арка. Напротив, чуть правее, – широкий проем кухон-ного окна с подоконником, на который выставляли заказы клиентов. По коридору, вопреки всем правилам, постоянно ходили люди. Мимо той самой еды, выставленной на подоконник для официантов.

– Это не гигиенично, понимаете? Владельца уже штрафовали за эту ерунду. А толку? – Вера сонно моргнула. – Я вашей девушке уже это сказала: как два пальца об асфальт, можно было еду травануть.

– Поясните, – попросил он, хотя все уже понял.

– Надень белый халат, как у наших, бери в руки какую-нибудь коробку...

– Какую?

– Да хоть с бананами. И топай себе по коридору, на тебя и внимания никто не обратит. У нас же директор каждую неделю подсобников меняет.

– Зачем?

– А платить не хочет. Берет вроде как на испытательный срок. А потом неделя-другая – и выгнал. И работа сделана, и гроши целы. Может, кто из них отраву и подложил, отомстил так. – Вера с натугой улыбнулась. – Командир, спать хочу. Отпусти, а?

– погоди, Вера. – Рыжков нахмурился. Насчет обиженных сотрудников он слышал впервые. – Хочешь сказать, что недовольных много?

– А то. За полгода человек двадцать сменилось. Только вы их не найдете ни за что.

– Почему?

– Потому что он устраивает всех без трудовой книжки.

– Но паспортные данные вы хотя бы переписывали?

Полчаса спустя Денис был в ресторане и стучал кулаком по директорскому столу.

– Переписывал. Конечно переписывал, – закивал перепуганный директор.

– Уже неплохо.

Денис оттолкнулся от стола, поискал глазами, куда бы присесть. В кабинете царил хаос. Вдоль стен ящики со спиртным, там же коробки с фруктами и упаковки с новой посудой. Стул нашелся под одной из них.

– Давайте же. Давайте ваши данные, – поторопил он, усевшись возле стола.

Директор встрепенулся. Метнулся к шкафу. Достал с полки толстую папку-атташе. Протянул.

– Вот. Здесь все.

– Что все? – Он не торопился раскрывать.

– Копии паспортов. Приказы о назначении и увольнении.

– Ага, выходит, вы их все же оформляли на работу?

– Конечно! – с пылом отозвался хозяин кабинета. – По трудовому договору, с испытательным сроком. Уж не знаю, что вам обо мне наговорили, но трудовое законодательство я не нарушаю. Все как положено.

– А что народу так много? Увольняются? – Он лениво листал файлы. – Надо же, какая текучка.

– Так не выдерживает народ нагрузок, товарищ капитан. Многие считают, что им должны платить только за то, что они на работу являются. Некоторые незаметно уходят – швырнул передник, и нет его. А есть такие, кто скандалит, орет, угрожает даже. Была здесь по весне одна особа – ох, крови мне выпила! Судом грозила. Только подкопаться не к чему, у меня все законно. Все задокументировано. Вы позволите?

Директор протянул подрагивающие руки к папке. Денис еще и до середины не дошел. Ладно, бесполезная трата времени. Отксерит и посмотрит потом у себя. Без лишних разговоров отдал папку директору, попросил только сделать копии.

– Ой, да я вам ее так отдам. Под расписку, конечно. Вы же не подставите меня, нет? Оформим выемку документов, и пожалуйста. Копии делать долго. – Директор нервно перелистывал файлы, кривил губы. – Где же эта скандалистка? Здесь должна быть, где-то конец марта... Ох, крови попила! Угрожала! Вот она запросто могла отравить клиента – только чтобы нам нагадить. Вот, пожалуйста, собственной персоной. Взгляните, товарищ капитан, на эту физиономию.

Денис уже собрался уходить. Искал что-нибудь, куда можно положить объемную папку с документами. Нашел какой-то пакет поверх упаковки с фруктами. Тряхнул, расправляя, протянул руку за папкой.

– Взгляните на эту физиономию, взгляните, – талдычил директор. Протянул папку, распахнутую посередине.

Денис глянул без особого интереса, хотел уже захлопнуть. И окаменел.

Из-под тонкого пластика на него смотрела Мария Ивановна Бессонова. Никакой ошибки, копия паспорта – ее. Имя, фамилия, отчество – все совпадает.

– Что за чушь. – Денис швырнул папку на стол, ткнул пальцем в фото: – Кто это?

– Подсобница. Работала в конце марта, недолго, правда. – Директор жалко улыбнулся и сделал попытку пошутить: – На этой фотографии похожа на вашу коллегу. Просто одно лицо.

– На фотографии? А в жизни?

– Нет, в жизни она поганка поганкой, – сморщился директор. – Вечно от нее воняло. Башка немытая, морда опухшая. Пришла устраиваться – под глазом синяк. Пила сильно, я и уволил. На рабочем месте ее постоянно не было. А что?

– Ничего.

Денис захлопнул папку, подписал бумагу о выемке документов и рванул на воздух.

Что за чертовщина? Мария Бессонова работала здесь в конце марта подсобницей и выглядела спившейся неряшливой особой? Это как понимать?

Если бы работала под прикрытием, тогда было бы другое имя, другие документы. Нет, это не версия. Кто-то воспользовался ее паспортом? Но как такое возможно? Она же сотрудник полиции и документы не разбрасывает где попало.

А может, эта особа, которую привели к ним в кабинет, не сотрудница полиции вовсе? Бывшая алкашка, подсобница из ресторана, каким-то невероятным образом заполучившая документы настоящей Бессоновой.

Бред, конечно. Такое только в кино увидишь. Даже теоретически невозможно.

А вдруг?

Пока добрался до отдела, без конца косясь на пакет с папкой на соседнем сиденье, успел передумать всякое.

Кто она? Откуда? Кто родители? Как попала в органы? С кем дружила? Кто был ее первым мужчиной?

Последний пункт вряд ли был так уж важен, но вычеркивать его из списка Денис не спешил. Из того списка, который мысленно набросал себе.

Он решил узнать о ней все. Выяснит в кадрах, откуда она к ним явилась, и отправится на поиски. Пока не узнает, будет молчать. А этот файл с копией паспорта из папки лучше пока вытащить.

Даже если что-то там не так, Машка все равно выкрутится. Быстро сочинит историю, которая всем понравится. У нее это ловко получается.

Глава 7

– Как это у тебя так ловко получается, Бессонова? – Майор буравил сердитыми глазами ее опущенную голову. – На ровном месте умудряешься создавать нам проблемы.

– Никак нет, товарищ майор, – тихо возразила Маша.

– Что – нет? Что – нет! – Кошкин схватил ее отчет по делу о смерти матери Новикова. – Не успела в одном деле найти состав преступления, как уже следующий несчастный случай пытаешься подвести под покушение на убийство! Зачем, лейтенант?

– Это не было несчастным случаем, товарищ майор. – Маша подняла глаза. – Трое свидетелей видели, как женщину толкнули под колеса автомобиля.

– Видели. Кто видел? Где их показания? Кто толкнул? – Кошкин сейчас был похож на разбушевавшегося воробья. – Приметы есть?

– Никак нет, товарищ майор.

– Вот! Примет нет. А с призраками мы не работаем.

– Но пострадавшая...

– Ваша пострадавшая, лейтенант, уже на дачу поехала. Пара синяков не повод для заведения уголовного дела!

– Но это уже четвертый подобный случай, товарищ майор. Может...

– Не может! – заорал Кошкин. – Не может, лейтенант! У меня грабежи с изнасилованиями не раскрыты. У меня людей не хватает катастрофически. Тебя для чего в отдел направили – чтобы ты мне дела из воздуха рисовала? Из пальца их высасывать? Зачем тебе это?

– Сергей Иванович, есть одна мысль, – начал Рыжков, когда за Машей закрылась дверь. Майор отправил ее обедать. С глаз долой, чтобы снова не наорать.

– Какая мысль, Денис?

– Что, если наша Маша сама эти дела выдумывает? Сама выдумывает, потом сама раскрывает, и вся такая в шоколаде, а?

– Что за бред, Дэн? – хмыкнул из своего угла Саша. – Она не просила, чтобы ее отправляли на тот перекресток.

– А ее туда и не отправляли. Она там мимо проходила, если что, – скривился Денис. – Проходила и вмешалась. Это уже в который раз, а?

Все замолчали. Ситуация в самом деле выглядела нелепо. Получалось, что в четвертый раз на светофоре рядом с Марией Бессоновой какой-то злоумышленник толкал людей под колеса движущегося транспорта. В четвертый раз! Все живы, злоумышленника никто толком не разглядел, но...

– Но она же настаивает, что это какой-то сумасшедший! – бушевал Рыжков.

– Может, и так.

– Ага, и все время рядом с ней! – хохотнул Денис. – А если она сама толкает этих старушек? Сама готовит преступление, чтобы потом...

– Денис! – прикрикнул на него Кошкин, не давая закончить. – Ты говори, да не заговаривайся.

– Я бы и рад, товарищ майор. Но здесь такое дело.

Он полез в стол, достал извлеченный из папки файл с Машинными документами.

– Вот, товарищ майор, – с фальшиво-скорбным видом проговорил он. – Вот что я обнаружил.

– Что это? – Кошкин глянул исподлобья. – Доложить по форме, капитан!

Денис рассказал. Как снова побывал в ресторане, где не так давно умер предприниматель Ивлиев. Как говорил с директором. Как тот отдал ему под расписку, безо всяких прокурорских запросов документы о трудоустройстве подсобных рабочих.

– Просто пошел навстречу человек, – закончил Денис. – Но перед тем как отдать...

И он подробно, в некоторых местах даже сгущая краски, пересказал слова директора.

– У меня вопрос, товарищ майор. Что Бессонова делала там в марте? С какой целью туда устроилась? Для подготовки преступления, которое уже тогда задумала?

В кабинете повисла такая тишина, что стало слышно, как дышит каждый из троих. Денис дышал прерывисто, как перед стартом. Кошкин уловил. Усмехнулся.

– У меня к тебе тоже вопрос, капитан. – Начальник встал с места, заходил по кабинету вдоль пыльных окон со сдвинутыми в сторону жалюзи. – За что ты ее так ненавидишь?

– Никак нет. – Вывернул нижнюю губу, замотал головой. – Никакой предвзятости, товарищ майор. Просто...

– Просто мозги надо включать, Дэн. – Саша Стешин для наглядности постучал кулаком по лбу. – Маша не идиотка. Если бы она это проделала в марте, то... Даже не знаю, что сказать.

– Очевидно, что ее документами кто-то воспользовался. Загримировался, чтобы узнать было невозможно. Только вот зачем? И почему Маша? Странно все, не находишь, Денис?

– Нахожу, товарищ майор. Еще как нахожу! – Он скроил обиженную мину. – Тем более странно, что в марте Бессонова вполне могла провести две недели в нашем городе. Я звонил в ее отдел, узнавал: в марте она была на больничном. Грипп подкосил, ага. Провела ли она дома эти две недели, никто не знает: никто с работы ее не навещал.

Снова повисла тишина. Гнетущая, нехорошая. На этот раз ее нарушил Саша Стешин.

– У меня к тебе тоже вопрос, Дэн.

– Валяй.

– Зачем ей было устраиваться со своими документами и с размалеванной под «синяка» физиономией? Ты же опытный опер, Дэн, очнись.

– Я не сплю, – огрызнулся Рыжков. С раздражением схватил документы со стола майора, бросил их к себе в ящик. – Ответа нет.

– Вот! – обрадовался Кошкин. – А ответ, может, и тянется ниточкой к нашему отравлению. Ох, мудрено все как-то. Не терплю таких выдумщиков.

– Считаете, здесь действовал затейник, товарищ майор? – подхватил тему Стешин.

– А кто еще? У него, понимаешь, в башке замыкает, он придумывает идиотский план, воплощает его, а ты сиди и думай, как он. А я не могу мыслить как сумасшедший! Не могу и не хочу.

– Считаете, здесь действовал ненормальный? – скептически ухмыльнулся Рыжков. – Чтобы такую схему придумать...

– Знаю-знаю, на ненормального мало похоже. Трудоустроиться в марте с чужими документами, а через полгода отомстить за увольнение – да так мастерски все! Виртуозно, понимаешь. Если, конечно, тот человек, который воспользовался Машинными документами, и отравитель – одно и то же лицо.

Если это вообще не она сама. Вслух, правда, Денис ничего не сказал. Но ведь никто о ней так ничего и не знает. Здесь понятно, здесь она без году неделя. А на прежнем месте? Почему там для всех Маша Бессонова осталась загадкой? Что с ней не так?

Маша вернулась с обеденного перерыва, и тему закрыли. Но Кошкин успел дать Саше поручение деликатно переговорить с Марией о событиях пятимесячной давности.

– Деликатно, понял? – Кошкин покосился на Рыжкова. – Никто не знает, где гуляют копии наших с вами паспортов. Может, тоже где-нибудь...

Майор неопределенно повел руками.

– Если она сумеет объяснить, разговор пойдет в одном ключе. Если нет, тогда станем думать. А тебе, Рыжков, запрещаю! Слышишь? Запрещаю самовольно наводить справки о сотрудниках нашего отдела где бы то ни было.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Он уже тридцать раз пожалел, что открыл рот. Думал, что попадет в струю после разноса Бессоновой. Не попал.

– Нечего дискредитировать коллег, понял?

– Так точно, товарищ майор.

– Лучше доложи, что у тебя по композиционному портрету. Есть что?

– Никак нет, товарищ майор. Глухо. Слишком размытый портрет. Участковые говорят, что на каждого второго на их земле похож.

Кошкин не стал спорить. Что уж там, он сам в этом портрете узнал соседа по даче. Такой же невысокий, худощавый, с неприметными чертами мужичок. Юркий, вертлявый и все норочит у его забора выгребную яму себе сделать. Майор пока держит оборону, но кто его знает, что будет дальше. Заручится сосед разрешительной документацией, и все.

Может, чем черт не шутит, припугнуть соседа композиционным портретом? Глядишь, и желание дразнить его поубавится. Стоит подумать.

– Бессонова, что у тебя по матери хирурга? Как его фамилия?

– Новиков, товарищ майор.

– Что по делу, есть что-то новое?

– Сегодня на три часа я вызвала его коллегу, товарищ майор. Ольга Горина, тоже хирург. Они уже пару лет состоят в отношениях.

– Ага. А зачем вызвала, почему сама к ней не съездила? Уважаемый человек, хирург. А ты сразу – повесткой!

– Не сразу, товарищ майор. Я была в больнице, пыталась с ней поговорить, – нехотя призналась Маша.

– И что же?

– Послала она меня подальше. Но алиби, товарищ майор, у нее нет. В больнице в момент совершения преступления ее не было – я говорила с персоналом.

– Вот так вот, значит.

Кошкин со звонким шлепком соединил ладони за спиной и зашагал по кабинету.

– Куда катится мир, Бессонова? Вот ты мне скажи, а?

Вопрос был риторическим. Она уже научилась разбираться в перепадах его настроения. Научилась заполнять паузы, когда это нужно. И Саша Стешин был ей понятен, ей с ним работало легко и просто. Не выходило только с Рыжковым. Она кожей чувствовала его неприязнь. О причинах можно было только догадываться.

– Чтобы создать семью, прямо так остро необходимо убирать свекровь? Так она им мешала? Какие отношения были у хирурга с матерью? Как его фамилия?

– Новиков, товарищ майор. Игорь Валентинович Новиков.

Маша открыла папку с делом.

– Отношения? Отношения были великолепными. Новиков был очень привязан к матери. Она жила в другом городе, но он настоял на ее переезде. Поселил у себя в квартире. Он очень ее любил, товарищ майор. У него не было мотива избавляться от нее.

– Да я не об этом, Бессонова! Что ты опять? – возмутился Кошкин. – Сын и не стал бы. А вот потенциальная невестка... Н-да. Помню историю одних моих соседей. Молодая семья вынуждена была жить с родителями мужа. Так там каждую неделю такие баталии случались! Невестка не раз орала на весь дом, что рада была бы, если бы старики сдохли. Так вот прямо и заявляла: сдохли.

– И чем закончилось? – лениво поинтересовался Рыжков.

Он исподтишка наблюдал за Машей. Мысленно тестировал ее на возможные психические отклонения. А что, может, она и правда того? Вместо того чтобы болеть, рванула в другой город и устроилась подсобницей в ресторан. А морду загримировала специально, чтобы не узнать было.

Только зачем тогда надо было настоящие документы предъявлять? И зачем ей эта работа? Чтобы разведать все ходы-выходы и потом незаметно нанести удар? А скандал при увольнении при чем? Чтобы запомнили? Но кого конкретно должны были запомнить – Машу?

Он в самом деле хороший опер, здесь Сашка прав. И он носом чует гнильцу во всей этой истории. Землю станет рыть, но докопается до сути. Сейчас главное: почему Маша? Почему она?

А что на ней сходятся какие-то стрелки, Рыжков уже почти не сомневался.

Глава 8

– Никто не объявлялся? – Григорьев пощелкал пальцами по монитору.

– Не-а, вроде тихо все. Заявлений от пострадавших не было. – Стас с хрустом потянулся, широко зевнул. – Оступился человек, что сразу охоту на ведьм объявлять? Старики, что с них взять-то? Торопятся! Я так этой девчонке-лейтенанту и объяснил. И записи с камер не отдал. Нет такого распоряжения, так ведь, товарищ старшой?

Григорьев промолчал. Со Стасом, которого он пришел сменить после дневной смены, он был категорически не согласен. Он и сам без пяти минут старик. Что, теперь его под колеса из толпы выталкивать? И не торопится он почти никогда. Тем более когда дорогу собирается переходить. Когда загорается зеленый для пешеходов, он еще какое-то время стоит на бровке тротуара, дожидается, когда последние лихачи проскочат.

И девчонка та настырная с сердитыми серыми глазами права. На сто процентов была права, когда заподозрила, что в этих незначительных происшествиях что-то не так.

Он в прошлую смену не все успел просмотреть. Но то, что просмотрел, ему не понравилось. Промолчал, чтобы не выставлять себя на посмешище в случае чего. А сегодня еле дождался смены.

Он должен все еще раз изучить. Сопоставить, сделать выводы. А когда будет уверен, что прав, тогда уже можно и начальству доложить. Или, к примеру, позвонить той сероглазой. Где-то он записывал ее номер.

Стас снова вошел в операторскую, уже в гражданском.

– Все тихо? – Бегло глянул на мониторы, транслирующие записи с городских видеокамер.

– Тихо. – Григорьев быстро свернул картинку прошлых записей. – Ты ступай, человек, ступай. Отдыхай.

– И то верно. За двенадцать часов от этого мелькания уже мушки перед глазами пляшут.

– Отдыхай. – Старший группы Григорьев улыбнулся молодому сменщику, похлопал себя по карману кителя. – Капать надо в глазки, Стасик. Тогда и мушки перед глазами плясать не будут.

– А я еще молодой, чтобы лекарствами пользоваться. Организм должен сам победить усталость. Все, пока.

Стас ушел. Григорьев запер дверь в операторскую, проверил раздевалку. Стас, как всегда, забыл повесить форму в шкафчик. Нацепил на плечики, пристроил на ручку шкафа, пока доставал гражданскую одежду. И так и оставил.

Что он может заметить при такой-то рассеянности? Григорьев укоризненно качнул головой, убрал в шкаф его куртку с брюками и рубашкой. Мушки у него перед глазами, видите ли. Не сумел распознать в четырех недавних происшествиях систему. Стас не разглядел, а он, Григорьев, – да.

Сегодня последний, пятый день, если считать от первого происшествия, которое его начальство назвало неосторожностью, недоразумением. Потом записи будут отправлены в архив, где пролежат тридцать дней, а дальше их уничтожат. Таков порядок. Из архива их достать Григорьев не сможет. Слишком много запросов нужно сделать и разрешений получить. А у него ни черта никаких полномочий.

Поэтому что надо сделать?

Правильно.

Он и сделает сегодня себе резервные копии. Тихо, без шума.

Да, это запрещено, он знает. И знает, что поплатится рабочим местом, если кому-нибудь станет известно. Но никто же не узнает. Не узнает, если там нет ничего такого и он просто

себя накрутил. А если есть? А тогда ему точно ничего не будет. Победителей не судят, как говорится.

Щелкнул мышкой, сдвигая курсор, зашел в папку, где хранились записи пятидневной давности, дальше трех- и двухдневные. Нашел нужные объекты. Таких было четыре. Отправил информацию на свою флешку, которую с предельной осторожностью вставил в компьютер.

За ними ведь в операторской тоже кто-то наблюдает. Вон она, камера, под самым потолком. Надо осторожно.

На скачивание информации ушло минут десять, не больше. С такой же осторожностью он вытащил флешку и убрал в нагрудный карман с носовым платком, которым перед этим вроде как вытирал лоб.

И уже после всего стал просматривать на рабочем компьютере то, что только что скачал.

Перекресток, весьма оживленный. Летний полдень. На записи отчетливо видны голые плечи, руки, колени. Народ нарадоваться не может наступившему теплу, сбрасывает все лишнее. Сарафаны, шорты, крохотные маечки. Даже пожилые не стесняются, оголяют ноги и плечи. Женщину, которая в тот день едва не погибла под колесами, он узнал сразу. Стояла на краю тротуара – яркий сарафан до земли, белая панама, в руках – плетеная сумка-корзинка. Терпеливо дожидалась разрешающего света светофора. Никакого нетерпения Григорьев в ее действиях не заметил. Даже по мобильному ни с кем не говорила в этот момент, чего Григорьев категорически не одобрял в таких местах. Отвлекает потому что и рассеивает внимание.

Так, пока все шло нормально. Но вот зажегся желтый, дама внезапно взмахнула рукой и вывалилась на проезжую часть. Именно вывалилась. Не шагнула, не выбежала, а выпала.

– Ее толкнули, – прошептал Григорьев и снова отмотал к тому месту, где еще горел запрещающий сигнал. – Вопрос: кто?

Он раз десять, если не больше, перематывал запись. Рассмотреть того, кто стоял за спиной дамы, так и не удалось. То ли сама она оказалась слишком объемной в своем сарафане. То ли тот, кто ее толкнул, был слишком мелким.

Григорьев отмотал еще на десять минут назад. Тщательно, посекундно стал изучать каждый фрагмент. Старался рассмотреть всех, кто подходил к перекрестку. У него даже в глазах зарябило, пришлось делать паузу и капать в глаза, как посоветовал доктор. После капель требовался десятиминутный перерыв. Встал, пошел к противоположной стене за чайником.

Рановато, конечно, для чаепития. Если там за ним сейчас наблюдают, в протоколе это точно будет отмечено. Не успел, мол, заступить на смену господин Григорьев, как тут же принялся чаевничать. Непорядок. На краткосрочный отдых у них отводились последние десять минут каждого часа. А он всего полчаса сидит за мониторами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.